

Глава 1	5
Эпизод 1: Лайонэтто	48
ГЛАВА 2	71
ГЛАВА 3	85
ГЛАВА 4	129
Эпизод 2: Карл	139
ГЛАВА 5	145
Эпизод 3: Кислинг	156
ГЛАВА 6	167
Эпизод 4: Лайонэтто, часть 2	181
ГЛАВА 7	185
ЭПИЛОГ	211
ПОСЛЕСЛОВИЕ	220

— **Д**ерцогская дочь, госпожа Альфина! Вы приговариваетесь к казни через обезглавливание!

— Хэй! Пум-приветик!¹

— ...Что?

До боли знакомая сцена суда.

Альфина произнесла это на глазах у блистательных аристократов, собравшихся посмотреть на казнь. Первый принц империи — Лайонэтто Лайон — бросил на нее холодный взгляд. Когда-то этот мужчина был ее женихом. Его голубые глаза, пленяющие сердца юных дам по всей стране, теперь устремились на Альфину в кандалах.

¹ Ономатопея (яп. ぽ〜ん) — имитирует легкий внезапный звук, часто ассоциируемый с чем-то падающим или появляющимся, подобно «пуф» в русском языке. В данном контексте ぽ〜ん — приветствие (よろしくぽ〜ん).

— Ты стоишь на пороге смерти. Осознаешь ли ты, в каком положении находишься?

— О, еще как осознаю. Лучше любого из присутствующих.

«Это ведь девяносто девятый раз, когда меня приговаривают. Тут уж волей-неволей привыкнешь, не правда ли?» — усмехнулась про себя Альфина.

Арест по ложному обвинению, выдвинутому Святой, разорванная помолвка... и вот уже в девяносто девятый раз она приговорена к смертной казни. Жизнь снова и снова отматывалась назад, вынуждая ее переживать одну и ту же сцену.

«Первые тридцать раз или около того я еще надеялась выжить и испробовала все возможное. Пыталась сбежать и, расправив шторы, словно белка-летяга, прыгнула с вершины башни, где меня держали взаперти. Упала с криком „А-а-а!“ и разбилась. Или, например, выкрала боевого коня из конюшни и всю ночь мчалась к границе, однако меня сбросило с седла, и с воплем „Хья-я-я!“ я погибла. Но было весело.

На двадцать седьмой раз устроила настоящий переполох на месте казни. Тогда замок на кандалах оказался сломан, и я с легкостью сняла их и попыталась сбежать буквально за миг до того, как меня должны были уложить на гильотину. Отобрала серебряный посох у лысого министра, который упал в обморок с пеной у рта, и учинила драку, как какая-нибудь разбойница. Да что там! Пнула гроб, пригото-

ленный для меня, со словами: „Прочь с дороги!“ Но это было уже слишком. Позже я подумала: „Может, моя помолвка была бы расторгнута даже без появления Святой?“

Что бы я ни делала, сколько бы ни билась, меня все равно ждало одно: смерть. До пятидесятого раза я еще плакала и убивалась, и теперь все это кажется таким далеким. Пришлось смириться. Наверное, такова моя судьба.

После семидесятого раза я увлеклась игрой: как сделать эту, казалось бы, трагическую сцену казни забавной? Было бы здорово хоть раз заставить этих знатных зрителей покатиться со смеху. Если не вытворить что-то подобное, можно помереть от скуки!

Кстати, в прошлый раз я выдала: „Прыг-скок, привет!“ — и подмигнула для пущего эффекта. В результате моя и без того больная матушка рухнула в обморок. Так что на этот раз я решила слегка умерить пыл. Задумка была такова: обыграть этот „пум“ с тем звуком, с которым у меня полетит голова. Однако его высочество, кажется, юмора не оценил. Не скажу, что он плохой человек, но я совсем не понимаю, что у него на уме».

Альфина смотрела на мужчину, который когда-то был ее однокурсником в академии и по совместительству женихом. Золотистые волосы сияли на фоне фарфорово-белой кожи. Холодные, словно лед, голубые глаза таили в себе какую-то опасность. Стройное,

изящное тело напоминало церемониальную рапиру¹ — не зря его прозвали Золотым Драгоценным Клинком. Если бы он улыбнулся, пусть и едва заметно, сама богиня красоты Дитэ² залилась бы румянцем.

Лайонэто ни на мгновение не смягчил выражения своего белоснежного лица. Даже Альфина, знавшая его еще со времен учебы в академии, могла вспомнить лишь один случай, когда он ей улыбнулся. Люди за спиной называли его Хладнокровным Принцем, но казалось, что по отношению к ней он был особенно холоден.

Может, бремя будущего правителя великой империи Лайон вынуждает его быть таким отстраненным? Или он просто так сильно ее недолюбливает?

— Несмотря на то что ты находилась в статусе моей невесты, — сказал он, — движимая ревностью, ты вступила в сговор с принцем соседнего государства и попыталась навредить Святой, ниспосланной великим богом Дзэносом³. Искупни свои грехи смертью.

Она могла бы сказать: «Я ни в чем не виновата!» — но это бесполезно, она уже не раз в этом убеждалась. Ровно год назад в стране появилась Святая — Дэ-

¹ В оригинале упомянута *レイピア* (яп.), церемониальная рапира, символизирующая изящество и остроумие.

² Имя *デイーテ* (яп.) отсылает к богине красоты — вероятно, аналогу Афродиты.

³ Термин *大神ゼノス* (яп.) обозначает великого бога, центрального во Вселенной. Вероятно, отсылка к греческому богу Зевсу.

бонэя Луа Лайтмист, посланница великого бога. Хрупкая красавица с волосами, будто сотканными из золотого тумана. Стройность сочеталась с пышными формами, магия света — с редким красноречием. Она покоряла сердца мужчин по всей стране. Ее удочерил граф Лайтмист, один из самых влиятельных аристократов, и на балах она сияла так, что даже сердце принца Лайонэтто оказалось у ее ног.

Чем больше люди обожали Святую, тем сильнее ненавидели Альфину. Имперские подданные наперебой твердили:

— С одной стороны — скромная и прелестная Святая, с другой — грубая и лишенная обаяния дочь герцога.

— Эта белокурая Святая рядом с очаровательным золотоволосым принцем — самая подходящая кандидатура на роль императрицы.

— А той дерзкой и язвительной особе не место рядом с будущим императором!

«Да-да, знаю, я грубая и ужасная. Простите великодушно! Ну конечно, обаяния мне не занимать, правда? Я сама лучше всех понимаю: во мне нет ни капли женственности. Хотела бы я быть другой, но у меня не выходит».

Два года назад, когда принц отправился на север усмирять варваров, все было так же. Тогда девушки преподносили изысканные дары:

— Я дарю его высочеству букет гладиумов, выращенных нашим садовником. Это цветок победы!

— Это деликатес, приготовленный по моему приказу нашим шеф-поваром. Умоляю, примите!

После всех этих милых и заботливых жестов Альфина вручила ему... деревянный кулон с медвежонком, который вырезала сама.

— Говорят, северные варвары почитают медведя как божество гор, так что, может, они будут к вам снисходительны! — громко сказала она, вызвав смешки юных леди и неодобрительные взгляды знатных господ.

«Хороший ведь был медвежонок, такой милый...»

Лайонэтто лишь сухо бросил: «Принимаю». Она так ни разу и не увидела, чтобы он носил этот кулон. Наверняка выбросил его куда-нибудь. Для него Альфина была не более чем формальностью — партией для политического брака. И даже от этой формальности он в итоге отказался.

«Трудно говорить наверняка, что будет после моей смерти, но, вероятно, титул невесты Лайонэтто перейдет к Святой».

Сама же Дэбонэя, та самая Святая, сейчас стоит позади под бдительным присмотром стражи. Она крепко сжимает белоснежный платок, глядя на Альфину с жалостью. Ее лицо искажено скорбью, будто она едва сдерживает слезы. А благородные господа, глядя на это, шепчутся:

— Подумать только, она жалеет женщину, что пыталась погубить ее!

— Истинная святая!

— О прекрасная Дэбонэя!

— Хотел бы я вытереть ваши слезы...

«Ага, вот только погубила меня! С тех пор как появилась Святая, меня окончательно записали в злодейки. Пошли нелепые слухи, будто я завидую отношениям принца и Святой и потому извожу ту всяческими кознями. Seriously, почему это я стала ее заклятым врагом? Неужто ей так хотелось занять место невесты принца? Так сказала бы прямо! Я бы с радостью уступила.

На семьдесят седьмой жизни я даже попыталась поговорить с Дэбонэей напрямую: „Не желаете ли, я уступлю вам место невесты?“

Хрупкая Святая на миг замолчала, затем, натянув смущенную улыбку, ответила: „Ох, Альфина, что за шутки! Что вы, что вы, у меня и в мыслях такого не было. Супругой принца Лайонэтто достойны стать только вы. Никто другой и рядом не стоит“.

Ну конечно, скажешь тоже! Теперь я чувствовала не злость, а растерянность. Что бы она ни замышляла сделать, после того как заполучит титул принцессы, все это будет уже после моей смерти. Пусть делает что хочет».

Лайонэтто равнодушно обратился к Альфине:

— Хочешь ли ты что-нибудь сказать, перед тем как отправиться в загробный мир?

— Ничего. Давайте уже *пумкните* поскорее.

— Беззаботна до последнего.

— В этом вся я. Вы, ваше высочество, и сами прекрасно это знаете, не так ли?

— ...Хм.

Толпа знатных господ, собравшаяся в надежде увидеть, как герцогская дочь будет молить о пощаде, была возмущена:

— Как она смеет так разговаривать с его высочеством?!

— Поглядите на эту наглость! Вот ее истинное лицо!

— Подумать страшно. Не появись Святая, эта женщина стала бы нашей императрицей!

Клевета и злословие вонзаются в спину, точно стрелы, но теперь они не более комариного укуса. Плевать на чужие оценки и сплетни: в могилу их не унесешь. Только одно еще имело значение. Только *он*.

— Карл... — тихо позвала Альфина младшего брата, рыжеволосого, как и она сама.

Он стоял в первом ряду вместе с родителями и молча наблюдал за происходящим. В этом году ему исполнится десять. Его прозрачные, будто стеклянные бусины, глаза смотрели прямо на сестру, ожидающую казни.

— Прости. Я обещала смеяться, гневаться и плакать за тебя, но не смогла сдержать слово.

На его юном лице не отразилось ни тени эмоций. Оставив чувства в утробе матери, он родился с могущественным магическим даром. Так говорили дворяне о Карле Мане Сильване — гениальном хладнокровном маге. Радость, гнев, печаль, удо-

вольствие — этих эмоций у ее брата нет. Иногда он и вовсе почти не говорил. Альфина присматривала за ним по-своему, как умела. Ей так хотелось окружить его заботой, баловать без конца, но, боясь стать навязчивой, она держалась на расстоянии: обращалась с ним осторожно, но с любовью. Что думал об этом сам Карл, ей было неведомо.

«Может, я и правда казалась ему навязчивой? Или он все-таки считал меня сестрой? Я так и не узнала».

Когда завершилось прощание с братом, вперед шагнул красивый юноша с синими волосами и в очках — Ашли Кислинг, выпускник той же академии, что и Альфина с Лайонэтто. Говорят, теперь он доверенное лицо принца. Сегодня Ашли исполнял роль секретаря, записывающего ход казни.

— Леди Альфина, все вышло как я предвидел. Еще в академии я был убежден, что ваше легкомыслие однажды погубит вас.

Он говорит одно и то же во всех девяноста девяти жизнях. Принц мог хоть иногда удивить, сказать что-то новое, но Кислинг всегда произносит одни и те же слова в точности до последней буквы. Никаких отклонений. Абсолютная неизменность. Иначе говоря, до тошноты серьезен. Образцовый ученик, который встает ни свет ни заря, составляет распорядок дня и радуется, если сумел его соблюсти. Альфина же, вечно опаздывавшая и нередко влезавшая в класс через окно, то и дело с ним ссорилась.

— В академии вы как-то сказали мне: «Не попробовать ли жить посвободнее?» — и вот к чему это привело! Ну и потеха! — изврит он.

В академии Альфина всегда находила что ответить, но теперь сил не было.

— Вот так вот, Кислинг. Это и есть результат того, что я жила по-своему: *пум*, и голова долой.

— Без сожалений, значит?

— Ни капли. Уж лучше так, чем умереть не собой.

— ...Что ж, до последнего вздоха верна себе.

Увидев, что Кислинг удалился, принц отдал холодный приказ:

— На гильотину ее.

Крепкие стражи схватили ее и грубо повели вверх по ступеням. Она хотела было подмигнуть злобно глазеющей толпе, но представила, как выглядит отрубленная голова с подмигивающим глазом, и передумала. Привязав девушку к гильотине, стражи отошли.

«Вот и все. Интересно, с какого момента начнется сотая жизнь?.. В тот самый миг, когда я закрыла глаза, передо мной возникло омерзительное лицо Святой: маска наконец-то сброшена, алые губы искривлены в гнусной ухмылке».

— ...Нет, ну серьезно!

Альфина испустила девяносто девятый вздох. Сколько бы раз это ни повторялось, как бы она ни готовилась, вот эта финальная ухмылка Святой все равно бесила невероятно!

Я выживу
на сотый
раз

Очнулась девушка на диване в гостиной.

— ...Мм...

С чувством, будто пробудилась от долгого сна, она приподняла голову и огляделась. В комнате была ее мать Мари и трое пожилых слуг. Знакомая мебель, алый ковер. На стене висел портрет Юринар — ее бабушки и великой волшебницы. Это была гостиная в доме герцога, где Альфина родилась и выросла.

«Сотый раз начинается дома, значит? Что ж, неплохо, неплохо. Прошлый раз начался сразу с домашнего ареста. Это было ужасно: голодала как собака. А ведь последние несколько жизней я пыталась побить рекорд: сколько сырных пирогов из уличных ларьков в Нижнем городе смогу съесть перед смертью? Как оказалось, нисколько».

В этот раз она надеялась осилить хотя бы пять пирогов. Повернувшись к матери, сидевшей на соседнем диване, она спросила:

— Матушка, какой сегодня день? Год, месяц, число?

Мать (такая же рыжеволосая) недоуменно заморгала.

— О, Альфина, что с тобой? Понимаю, ты расстроена, но неужели у тебя и память отшибло?

— Я совершенно спокойна. Мысли ясные.

— Сегодня 5 июля 845 года по Великому божественному календарю, десять часов вечера. Соберись. Если ты честно, без утайки, расскажешь его

высочеству все, что у тебя на душе, он непременно тебя поймет.

— Пятое... июля?

Если память ей не изменяет, именно в этот день поступило распоряжение от Информационного бюро имперской армии: Альфине приказали оставаться дома. А затем...

Тук-тук! Грубый стук в дверь разнесся по комнате. В приемную торопливо вошла главная служанка средних лет.

— Г-госпожа! Его высочество... принц Лайонэтто!..

Вслед за ней в комнату шагнул сам принц, сопровождаемый солдатами с мечами на поясах. Он пронзил Альфину ледяным, словно мороз, взглядом голубых глаз.

— Ваше высочество, рада вас видеть. Чем обязана визиту? Желаете отужинать? Ларьки с сырными пирогами еще открыты.

Сказав это, она про себя добавила: «Ага... Значит, в этот раз все начинается *отсюда*».

Пятого июля 845 года, глубокой ночью, принц собственной персоной прибыл в особняк и арестовал Альфину. После этого ее заключили под стражу в одной из комнат дворца, где впоследствии без права на защиту приговорили к казни. Такой ход событий с незначительными вариациями повторялся все девяносто девять раз без исключения. Как ни бейся, в конце всегда ждет лишь «пум».